

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Местные товарищи не обманули. В лесном массиве действительно солдат противника не оказалось. Впереди русло пересохшей речки обрамляли каменные столбы, валялись стволы деревьев, похожие на пехотинцев, побитых пулеметным огнем. Лунный свет обрисовывал валуны, серебрил макушки елей. Вражеские позиции на линии фронта остались позади — оперативники, словно ужи, обтекли пулеметные расчеты. Мишка Балабанов цеплялся за пятки шедшего впереди майора Владислава Дымова, ворчал, мол, не барское это дело — ползать за линию фронта. Резон в его стенаниях присутствовал — контрразведку Смерш создавали не для того, чтобы ползать в тылу врага.

Дымов первым перебрался в русло пересохшей речки, прижался к валуну и поднял руку: замри! Кустарник за спиной безмолвствовал. Ночь была глубокая. На дворе начало мая 45-го, дело к лету, ночи становились теплее. Взмокла спина, Дымов расстегнул ворот брезентового балахона, подтянул лямки сползающего со спины

рюкзака. Передвигались в гражданской одежде, но полностью снаряженные. Давно забыли, что такое гражданская одежда, и ощущения были странные — чесалась спина, потели подмышки. На север простирался свободный от леса участок местности. Пересохшее русло речки находилось в низине, заваленной камнями. Чувство опасности пока не донимало. В дальнем лесу ухал филин, ветер шевелил верхушки деревьев. Противник отсутствовал. Прикрывать этот участок смысла не было — боевая техника здесь завязнет, пехота тоже не пройдет. «Сюрпризов» не опасались — линия фронта регулярно смещалась, устанавливать минные поля немцы не успевали.

Влад обернулся, махнул рукой, призывая оперативников следовать за ним, и двинулся дальше. Шел, пригибаясь, ощупывая препятствия под ногами. Использовать фонари побаивались. Подчиненные двинулись следом. Последний, пятый, кажется, Глазнев, замешкался — что-то потерял. Но нашел, засеменял за товарищами.

Половину открытого пространства преодолели беспрепятственно.

Ложись! — Влад махнул рукой и повалился на бок, прижав к плечу ремень «ППШ». Остальные последовали примеру командира. Включились органы чувств. Справа доносилась приглушенная речь, бренчал металл. Говорили на латышском — двое или трое. Ничего удивитель-

ного, это Латвия, район прикрывал Латышский легион СС — вояки не особо brave, но злые и патологически ненавидящие все русское. Снова пришлось лежать, сжимая зубы. Кто-то ругнулся в сердцах, последовал удар металла о металл. Распространенный способ ремонта сложных механических приспособлений. Завелся мотоциклетный мотор, затарахтел — сначала прерывисто, потом ровно. Вскоре транспортное средство удалилось. За ворохом еловых лап пролегла проселочная дорога.

Потерянное время наверстали, предприняв бросок к лесу. Пробежали по ворсистой траве, затем растворились в лесу. Момент был ответственный, Дымов переживал — людей из его отдела не обучали таким премудростям. Прыснул Балабанов, когда Потапенко, не заметив дерево по курсу, ударился об него и набил шишку на лбу. Он выразил сочувствие пострадавшему товарищу. Отличившийся огрызнулся, послал «молодого» по известному адресу.

— Может, помолчим, товарищи офицеры? — не выдержал Дымов. — Забыли, где находитесь?

— Виноваты, товарищ майор, исправимся, — пообещал старший лейтенант Балабанов — смешливый толстогубый паренек с прижатыми к голове ушами.

Тропа белела под ногами — извивалась змейкой, проваливалась в низины. Пока все шло как надо, латышские товарищи точно описали маршрут. В нем значилось и пересохшее русло

речки, и тропа в сосняке, которую нашли без хлопот. Четыреста метров по лесу, с минимальным числом препятствий — дальше образовался склон — весьма внушительный, заросший старыми елями. Здешняя природа не сильно отличалась от Алтайского края — родины Дымова. Отличались люди, их жизненный уклад, отношение к событиям в мире...

Предполагалось, что группа пройдет «вслепую» только три версты. Дальше ее встретят и позаботятся. На обгон пошел немногословный капитан Садовский — Влад вытянул руку, придержал товарища. Склон завершался изрытым подножием. Такое ощущение, что здесь потрудились какие-то гигантские кабаны. Лунный свет озарял округу. Живых существ в квадрате не наблюдалось. Оперативники рассредоточились вдоль кустарника, стали вести наблюдение. Возился Пушкарь, поправляя сползающий на землю вещмешок. Местность была открытая, но укрытий хватало. Пространство пересекали канавы и небольшие овраги, чернел кустарник. С курса не сбились — справа виднелись крыши заброшенного хутора. Лунный свет озарял перебитую изгородь, распахнутые ворота. Ориентир весьма примечательный. До цели оставалось метров семьсот — канавы, овраг, затем лесок слева, где дожидались партизаны...

Дальше шли в колонну по одному — риск нарваться на мину все же сохранялся. Дымов

спустился в овраг, пробился через сухие колючки, вскарабкался наверх. Лес был в двух шагах — черный, негостеприимный, как и вся прибалтийская земля. Влад заполз за бугор, сжал прохладное цевье «ППШ» — так было спокойнее.

Округа не подавала признаков жизни. Если «комитет по встрече» засел в лесу, их должны были видеть. Но в трезвом уме никто на опушку не полезет. Еще неизвестно, кто тут находится.

— Уже можно, товарищ майор? — высунулся из оврага Мишка Балабанов.

— Сделай одолжение, — проворчал Влад.

Оперативник перекатился, пристроился рядом. Блеснули в полумраке острые зубы — Мишка хвастался, что может перекусить даже колючую проволоку. Но ни разу свое умение не демонстрировал.

— Вот видите, товарищ майор, ничего сложного...

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — прокряхтел коренастый капитан Садовский, обустроиваясь справа от Балабанова. Он грыз соломинку, всматривался в темноту. Выбрался капитан Потапенко — большой, крепко сбитый, немного неуклюжий, но обладающий завидной выносливостью. Он как-то примерил мундир эсэсовского офицера. Он сидел на нем как влитой. И немецким языком Потапенко владел — как, впрочем, и все остальные.

— Вперед, командир? — спросил, отдуваясь, капитан. — Чепуха осталась.

— Вперед, — согласился Дымов. — Только с трезвой головой и не гнать коней по бездорожью. Где остальные? Нужду справляют?

— Здесь мы, товарищ майор... — из оврага возник подтянутый дамский угодник старший лейтенант Алексей Пушкарь. Текущая прогулка не располагала к любовным томлениям — он весь измазался жухлой листвой. Алексей грамотно перекатился, обосновался слева. Последним возник капитан Борис Глазнев — жилистый, невысокий, с холеным, но каким-то мутным лицом и такими же глазами.

— Расчет закончен, — бросил он, падая рядом с Пушкарем.

Больше всего на свете хотелось переkreститься! В то, что группа контрразведчиков безнаказанно пересечет линию фронта, верилось с трудом. Но самое страшное, похоже, одолели.

— Последний рывок, товарищи, — сообщил Влад. — Ползем широким фронтом, в случае опасности откатываемся во фланги. Не расслабляться, смотреть во все глаза.

— С богом, как водится, — пошутил Садовский.

Обошлось без комментариев. С Богом у советской власти отношения были сложные. Факт наличия Всевышнего категорически отвергался. Но случались моменты, когда до одури хотелось в него поверить.

Люди рассредоточились, поползли по сырой земле. Желание бегом преодолеть оставшиеся метры было нестерпимым. За кустами высился лес, довольно редкий, хотя и заваленный гниющей древесиной. Ершился подлесок, маскируя природные ловушки. Снова был овраг, его форсировали проворно, обследовав предварительно на наличие сюрпризов. Бурелом хрустел под ногами — идти без шума было невозможно. Ругнулся Потапенко — ветка ударила ему в голову. Что-то было не так, могли бы встретить на опушке, хотя кто их знает, этих мутных прибалтов. Хотя, возможно, они прошляпили что-то важное.

— Товарищ майор, там люди, — сдавленно сообщил Балабанов. — Ну, впереди...

— На месте, — скомандовал Дымов. — Ложись! — Он добежал до ближайшего дерева и присел.

Оперативники лежали в траве, готовили на всякий случай к бою оружие. За деревьями кто-то мелькал, перебежал человек, рядом завожился еще один. «Только прибыли, — подумал Влад, — не успели обустроиться».

— Товарищи, не стреляйте, свои! — с сильным прибалтийским акцентом крикнули из кустов.

— Слава богу, — проворчал Садовский.

— Латышские партизаны неторопливые, — тихо засмеялся Мишка. — Куда им спешить? Жизнь такая длинная.

— В Лиепе объявили штормовое предупреждение! — крикнул Дымов, выглядывая из-за дерева — ждал отзыва на пароль.

— Ладно, все ясно, — проворчал Потапенко и стал подниматься, уперся коленом в землю.

— Не спеши, — бросил Влад. — Эй, товарищи! В Лиепе объявили штормовое предупреждение!

Из кустов простучала автоматная очередь! Заработали другие автоматы — «МР-40». Сердце ушло в пятки. Пули выли над головой, срезали с дерева кору, ее ошметки посыпались за воротник. Оперативники ругались. Лежащий слева Глазнев послал в пространство очередь из «ППШ».

— Засада, командир, — прохрипел, отползая, Садовский.

Влад откатился в сторону от ствола дерева. А ведь помалкивало чутье! И лишь в последний момент, когда уже все было предрешено, изволило что-то сообщить...

Потапенко не внял совету, предпочел не возвращаться в лежачее положение. Он не был идеальной мишенью, но пулю поймал. Капитан хрипел, лежа на боку, вгрызался ногтями в землю. Ноги судорожно подрагивали. Дымов дополз до него, схватил за шиворот, стал оттащить в сторону. Откуда-то сверху свалился Мишка Балабанов, начал помогать. Раненого отволокли за пень, прижали лица к земле — пули фактически брили макушки голов.

— Товарищ майор, обманули нас... — сплюнув глиноземом, сказал Мишка. — Это не те люди, что должны были нас встретить.

Какая мудрая констатация факта!

— Держаться! — крикнул Дымов. — Занять круговую оборону!

Самым лучшим выходом из этой ситуации было бы отступить. Но куда отступить? На опушку? И что дальше? А Потапенко куда девать? Бросать на произвол судьбы? Глазнев и Садовский вели плотный огонь. Боеприпасов пока хватало. Только ближе этих упырей не подпускать — иначе гранатами забросают! Справа завозился Пушкарь — подполз к дереву, приподнялся, обняв ствол. Дымов уже выдавал гневную отповедь, но Алексей отвел руку за спину, швырнул противопехотную гранату. Она перелетела через кустарник, взорвалась в слепой зоне. Взрывом вырвало из земли мелкий куст. Сомнительно, что осколки достали противника, но народ приободрился. Алексей, кашляя, отполз от дерева, а противник уже поливал огнем несчастную осину, с которой посыпалась едва проклюнувшаяся листва. Мелькали ноги Мишки Балабанова, он полз на правый фланг и вскоре уже строчил по едва заметному противнику.

Кто это был? Откуда? Кто предупредил? — возникали в голове вопросы.

Центром пятачка сопротивления становился раненый Потапенко. Офицеры сгрудились вокруг него, вели огонь, по возможности пе-

реползали. Раненый уже не дергался, но еще дышал. Не было возможности заняться перевязкой. Дымов находился в центре. Он лежал за мшистой кочкой и пальцами прогрел «амбразуру». Остался последний диск, он вбил его в паз автомата, оттянул затвор. О смерти даже думать не хотелось, не за смертью они сюда шли. За деревьями мелькали смутные видимые фигуры, перекликались на латышском языке. Старые знакомцы из Латышского легиона СС! Их было немного, но преимущество оставалось за ними. Пока их сдерживали, заставляя прятаться. Добросить гранату латыши по-прежнему не могли. Впрочем, кто-то попытался, выбежал из-за осины, швырнул смертоносный боеприпас.

«Граната!» — проорал Садовский, и все уткнулись носами в землю. Прогремел взрыв, но граната не долетела, не страшно. Жаркая волна опалила голову. Воспользоваться дымовой завесой противнику не удалось. Офицеры дружно стреляли, кто-то вскрикнул, зарылся в бурелом. Садовский мстительно засмеялся — пусть гниет вместе с древесиной. Встречный огонь становился рваным. Но ситуация оставалась угрожающей. Противник снимался с центральной позиции, уходил во фланг. Двое пробежали за деревьями, залегли. Поднялись по очереди, сместились еще на несколько метров. Воспрепятствовать этому замыслу было невозможно. Противник подползал. Кто-то на несколько

мгновений включил фонарь. Озарился узкий участок леса, свет резанул по глазам. Фонарь погас, смельчак откатился в сторону. Пули вспахали косогор, за которым он только что лежал.

— Командир, что делать? У нас патроны кончаются! — прокричал Садовский.

Влад решил.

— Глазнев, Пушкарь, оттаскивайте раненого! Сзади у нас овраг, до него метров сорок! По пади — на запад! Мы вас прикроем! Да живее, каждая секунда на счету!

Рванула еще одна граната. Теперь уж ближе. Глазнев отвалился от дерева, взялся за голову, но обошлось. Подхватил упавший автомат, пополз в кусты, отставив пятую точку. И через мгновение стал вести оттуда беглый огонь. Раненого оттаскивали — он тихо стонал, ноги безжизненно волочились по земле. Отполз Садовский — видимо, выравнивал «линию фронта». Пот заливал глаза, Дымов яростно их тер, хватался за автомат, плевался огнем, снова тер. Цветные зайчики прыгали в глазах. Противник наседал, перебегали люди. Кто-то остутился, завяз в трухлявой древесине. Их было человек восемь плюс тактическое преимущество. Глазнев метнул последнюю гранату, то же сделал и Садовский. Разлетелись осколки, стали откатываться к оврагу. Раненого Потапенко уже спускали по склону. Трое пятились, ошетинились огнем. Невозможно ползти назад! Это то же самое, что корову

заставить спуститься по лестнице! Садовский не выдержал, припустил бегом. Дымов что-то проорал, призывал подумать о здравом смысле — и когда в его сторону понеслись пули, Садовский повалился ничком, стал стрелять как ни в чем не бывало.

— Командир, Борис, бегите, прикрою!

Прикрытие было жалким, но несколько метров удалось пробежать. Узловатый корень вцепился в голень. Влад упал, едва не лишившись ребра, и стал лихорадочно искать выпавший из рук автомат. Упал и Глазнев, он извернулся в падении, повалился на собственный вещмешок. За спиной взорвалась граната, строчили автоматы, и встать не представлялось возможным. Но отметились в голове неумелые действия неприятеля. Враг допустил ошибку, заманивая группу в ловушку, бестолково расположил людей. И это не были кадровые военные, действующие четко и грамотно... Но кто сейчас вел против них бой, не имело значения — существование группы находилось под вопросом.

— Мужики, не вставайте! — гаркнул из оврага Пушкарь. — Ползите к нам, прикроем!

Эти двое ослушались приказа. Спустили Потапенко в овраг и вернулись на позиции. Может, и к лучшему. Они строчили, как одуревшие, толком не видя мишени. В кого-то попали, глухо охнул вражеский стрелок. Пули свистели над головой во всех направлениях и едва не сталкивались. Искра надежды вырвать-

ся из-под огня превратилась в огонек. Дымов пополз по-пластунски, поглядывал по сторонам: товарищи тоже ползли. Пока все живы. Провалилась земля под животом — он покатился в овраг, отбивая бока. Вскочил, игнорируя боль, стал карабкаться обратно. Все остальные, привалившись к склону, изводили последние боеприпасы. И что изменилось? Противник продолжал наседавать. Теперь легионеры берегли патроны, стреляли одиночными. Их стало меньше, но от этого ничего не менялось. Вырастали головы, раздражались вспышки выстрелов. Слева качнулся куст — из него выбрались двое, побежали к оврагу. Эти упрямыцы настырно лезли во фланг. Дымов ударил длинной очередью, автомат уже перегрелся. Один из бегущих упал, впрочем, ненадолго, бросился с низкого старта за дерево. Второй присел, выжидал. До оврага им осталось метров десять — кто остановит? Еще немного, и беда обретет отчетливые очертания.

— Граната! — ахнул Балабанов. — Все вниз!

Очередной метатель выбежал из-за дерева, швырнул гранату. Как оказалось, лимонку — боеприпас серьезного разрушительного действия. Оперативники посыпались со склона, как горох из банки. Риск оказаться в зоне поражения осколков был большой, он мог добросить! Предательский страх закрался в душу. Кто-то врезал майору по челюсти сапогом, другой отдал руку — всем спасибо... Но метатель

не добросил. Взрыв прогремел на краю оврага, еще полметра, и кучка трупов была бы обеспечена. Откололся край обрыва, оперативников завалило землей. Дико ругаясь, они вскочили, хватаясь за оружие. Голова кружилась, назревали проблемы с вестибулярным аппаратом. Внимание привлек капитан Потапенко, он лежал неподвижно, с приоткрытым ртом, не замечая, что туда забились глина. В приоткрытых глазах пустота. Сердце тоскливо сжалось.

— На запад, бегом! — прохрипел Дымов. — Потапенко не трогайте, он уже мертв.

Желание поквитаться за убитого просто выкручивало. Люди выли от злости. Но иногда надо и отступить. Неизвестно, как далеко бы они ушли (и ушли бы вообще). Наверху разгорелась интенсивная стрельба. Количество «МР-40» явно прибыло. Кричали люди. В стороне посыпалась земля, скатились двое, остались лежать — видимо, те, что обходили с фланга. Преследование опергруппы прекратилось, у охотников возникли проблемы. Выжившие пустились наутек, затрещали ветки. Прогремели два взрыва, треск прекратился. И внезапно стало тихо. Настолько тихо, что было слышно, как ветер шелестит кронами. Офицеры переглядывались, держали на мушке гребень оврага. Мишка Балабанов яростно вычесывал глину из волос.

— Рассредоточиться, — прошептал Дымов. — Чего столпились?